

ГЛАВА 1

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

*Из-под кровати,
коттедж «Роузлиф»,
Литтл-Кросшор,
графство Х,
1 августа 1910 г.
Эфимии Сент-Джон,
поместье Стэплфорд-Холл,
людская,
графство Х*

«*Миленькая Эффи!*» — писал мой младший братик безупречным почерком, с бойкостью и усердием, которые можно было объяснить лишь деревенской скукой.

«Огромное-преогромное спасибо тебе за деревянные солдатиков! Играл сегодня с ними весь день. Матушка сказала, ты меня так избалуешь — мол, надо было подождать хотя бы до моего дня рождения, а то и до Рождества. Иногда она бывает ужасной злокой!

Я в восторге от твоего письма. Как же тебе повезло с приключениями! Два убийства! Один арест! Разоблаченный преступник! А твоя жизнь и женская честь столько раз подвергались опасности! Матушка чуть в обморок не упала, когда я читал ей вслух твой увлекательный рассказ. Наша помощница по хозяйству тогда подпалила куриные перья и хотела сунуть их ей под нос, чтобы привести в чувство. Жуть какой переполох наделала!

*В адресе я указал твое *nom de guerre*¹, чтобы не выдать истинную личность. Для пущей секретности пишу тебе под кроватью. Матушка сказала, я должен обязательно написать и поблагодарить за солдатиков, но ни в коем случае не поощрять тебя в твоих безрассудных эскападах. Так и сказала. Она по тебе скучает и надеется, что ты скоро вернешься домой. Еще она велела спросить, почему ты больше не пишешь о своих делах так подробно, как в прошедшем феврале. Говорит, достаиваешь нас теперь парой строчек, и это даже нельзя назвать письмами.*

Те деньги, что ты прислала на прошлой неделе, матушка отдала мистеру Буллингу, мяс-

¹ Вымышленное имя (фр.).

нику, которому мы сильно задолжали. Он был ужасно груб с ней, зато теперь у нас опять есть к чаю бутерброды с колбасой. Бесси и Тагги нагуливают жирок день ото дня, но отправлять их под нож пока рано. А когда придет время, будет до чертиков жалко их зарезать и съесть. Ну почему колбасу делают из свиней? Тагги — тот ещё сорванец, все время норовит удрать из своего загончика, а однажды матушка гонялась за ним по всему двору, чтобы вернуть обратно. Во всех этих своих черных юбках она была похожа на исполинскую ворону и выглядела, как она сама сказала бы, до безобразия неприлично.

Я скучаю по папе. И матушка тоже скучает. Жизнь, оказывается, не такая уж веселая штука, правда, Эффи?

Ну да ничего, у меня уже есть куча мыслей в голове обо всяких коммерческих предприятиях, а когда я стану большим и разбогатею, сразу куплю нам целую дюжину домов побольше Стэплфорд-Холла — и мы заживем припеваючи. К сожалению, матушка твердо вознамерилась сначала отправить меня в школу и пока не позволяет открыть собственное прибыльное дело, так что с покупкой домов придется подождать.

Еще одно огорчение — дедушка до сих пор не прислал нам ни единого пенни. Матушка все пишет ему и пишет, но ответов не получает. Хотя если бы он злился на папу, то сейчас-то должен был бы ответить, да? Вот будь у меня дети, я бы никогда не выгнал их из дому, что бы они ни натворили. Ну, то есть бывает, конечно, люди творят прям ужас что такое, — тогда бы, наверно, выгнал. Но я не могу себе представить, чтобы матушка или папа сделали что-нибудь совсем уж дурное. А ты?

Береги себя, Эффи. С твоих слов, мистер Бертрам вроде бы ничего так, вполне положительный. Может, тебе рассказать ему правду о том, кто ты на самом деле? Когда повесят его брата, он унаследует титул, а ты так часто пишешь об этом мистере Бертраме, что я подумал — отчего бы вам не пожениться? Для сестры ты очень даже хорошенькая, и волосы у тебя каштановые, красивые-прекрасивые.

*Твой любящий брат,
мальши Джо.*

P.S. Что такое «женская честь»? Матушка постоянно о ней поминает, но, когда я спрашиваю, отказывается объяснять».

Я сложила письмо, засунула его за корсаж и поудобнее устроилась на ступеньке. Письмо я носила с собой уже много дней и часто его перечитывала — малыш Джо как будто переносил меня своими строчками в более счастливые время и место. При этом я, конечно, сильно рисковала — то, что было написано в послании брата, могло выдать меня с головой.

Мы отчаянно нуждались в деньгах, и я нашла работу, унижительную для девушки моего происхождения, так что, если бы кто-то из нанимателей или сослуживцев ненароком раскрыл истинное имя некой Эфимии Сент-Джон, мне бы так или иначе пришлось покинуть Стэплфорд-Холл во спасение фамильной гордости (матушкиной) и ради соблюдения общественных приличий (которые меня лично, надо сказать, не слишком-то заботили). В результате овдовевшая мать, мой младший брат и я снова оказались бы на грани нищеты. У нас были родственники среди высшей аристократии, однако по неким личным мотивам они от нас отвернулись.

Я вздохнула и в очередной раз удостоверилась, что письмо на месте и никуда не денется. Матушка жаловалась на слишком короткие весточки от меня, но тому имелись уважительные

причины — к примеру, ведро мыльной воды, стоявшее сейчас рядом со мной, и белая наколка горничной на моей голове.

Было 8 августа 1910 года, и многое в этом мире шло на лад. Пессимисты прикусили языки, стыдливо потупившись, когда земной шар проскочил целым и невредимым через хвост кометы Галлея. Король Георг V благополучно взошел на трон. Поговаривали, что испытательные полеты на аппаратах с двигателями вот-вот достигнут окончательного успеха — это, дескать, вопрос лишь нескольких месяцев, — а в том крошечном уголке Англии, где я работала, стояло восхитительное лето.

Однако и неурядиц в мире тоже хватало. Порой, когда я не была занята мыслями о собственной участи, мне доводилось задумываться о дальнейшей судьбе России, о страшном пожаре в Венгрии, о бунтах во Франции, но, честно признаться, в данный момент меня куда больше заботило состояние четвертого по счету лестничного пролета, по которому прошлась мисс Риченда, заляпав мраморные ступеньки лошадиным навозом. Мне на беду, размер ноги у нее был немалый, а поступь — тяжелая, ибо хозяйка моя отличалась самым внушительным

телосложением среди представительниц новой аристократии. Кроме того, я ни секунды не сомневалась, что ее главной задачей было напасть на меня.

Со дня смерти отца прошло уже девять месяцев, а я все еще оставалась горничной, вернее простой служанкой на подхвате, вопреки возникшим недавно надеждам сделаться секретарем мистера Бертрама или получить более приличную должность в штате стэплфордской прислуги.

Мисс Риченда опять сбежала вниз по ступенькам. Точнее, бежала, а может, и порхала она исключительно в своем воображении, на самом же деле более подходящим определением будет «проскакала как лошадь» или «протопала как корова». Увы, поделиться с ней этой мыслью, столь неуместной для дочери викария, я не имела ни права, ни возможности, да еще совесть мгновенно проснулась и обрушилась на меня с несправедливыми упреками — отец славно потрудился над моим воспитанием, и теперь высокие моральные стандарты для меня сущее наказание. Что до интеллекта, в матушкином мире, по ее же словам, он «нужен юной леди как пара копыт и примерно так же привлекате-

лен», а сейчас, будучи служанкой, я и вовсе не находила ему применения. Хуже того — мыслительные способности, которыми столь щедро одарил меня Господь в своей бесконечной милости, здесь только мешали: занять голову было нечем, и тогда я пускалась в неподобающие (хоть и справедливые) размышления о своих нанимателях.

— Ох, Эфимия! Какая же я рассеянная! Теперь тебе опять придется все тут мыть, да? — На губах мисс Риченды играла улыбка, но глаза смотрели холодно. Она издала неблагозвучное ржание, которое, безусловно, сумела бы истолковать ее лошадь, но никак уж не я. Так что в качестве ответа мне пришлось ограничиться такой же фальшивой улыбкой и покорным кивком.

Злиться сейчас на нее было бы мелко и гадко. Но что совсем уж гадко и мелко — это заставлять горничную в такой чудесный летний день вычищать лошадиный навоз с лестницы в выстуженном не по сезону мраморном холле. Да, не могу не признать — мы с младшим Стэплфордом, мистером Бертрамом, пытались добиться заслуженной кары для ее брата-близнеца, совершившего убийство. Однако достопоч-

тенный¹ лорд Ричард Стэйлфорд как ни в чем не бывало прохладился сейчас на свободе — он вот-вот должен был вернуться со своего первого парламентского заседания в качестве свежее избранного депутата-униониста, вместо того чтобы сидеть за решеткой в ожидании казни, которая оказалась бы справедливой во всех отношениях. Тем, у кого есть влиятельные друзья в высших сферах, похоже, слишком уж многое сходит с рук².

Мисс Риченда устремила к выходу, и было ясно, что она намерена еще раз повидаться с лошадьёю. К животным, в отличие от кавалеров, моя хозяйка питала неподдельный интерес, а тут еще возможность в буквальном смысле поставить меня на колени была для нее приятным бонусом. Хозяйка страстно меня ненавидела. Однажды она заперла меня в гардеробе, так что я тоже не питала к ней особой симпатии. Проводив эту рыжую амазонку взглядом, я плеснула на ступеньку еще немного воды и принялась

¹ Достопочтенный — титулование члена палаты общин парламента Великобритании. (*Примеч. пер.*)

² Об этих событиях я поведала в своих дневниковых записях под названием «Смерть в поместье».

яростно тереть перепачканный мрамор. Длинная коса свесилась и раскачивалась в такт моим движениям, норовя попасть в ведро, но руки у меня были грязные, поэтому я не стала ее закалывать и краем глаза следила, чтобы кончики волос не угодили в мутную воду — голову мне все равно не удастся вымыть раньше вторника, а вонять конюшной очень уж не хотелось.

Назвать мое положение завидным было никак нельзя. Мистер Бертрам добился того, чтобы меня оставили в штате прислуги в прежнем статусе горничной — завещание покойного отца давало ему некоторые рычаги давления на старшего брата, он обмолвился об этом в разговоре со мной, но без подробностей. Так или иначе мистер Бертрам знал, что Ричард убил их отца, хотя доказательств у него не было, и все это в совокупности сделало отношения между братьями напряженными и зыбкими. Они кружили друг против друга, точно свирепые псы, и ни один не желал поворачиваться к противнику спиной. Метафорические клыки у обоих были обнажены в плотоядном оскале — кто-нибудь посторонний мог бы принять его за улыбку, но я-то знала, что каждый из них ждет подходящего момента вцепиться другому в глотку. Впро-

чем, Стэплфорд-Холл никогда и не был уютным родовым гнездышком.

После того как овдовевшая мать мистера Бертрама, она же мачеха близнецов, переехала к друзьям в Брайтон — по-моему, не слишком подходящее место для тех, кто ищет душевного успокоения¹, — права хозяйки дома присвоила себе мисс Риченда. Это означало, что теперь она направо и налево рассылала приглашения, а все обязанности по устройству банкетов перекладывала на плечи экономки, миссис Уилсон, которая уже пошатывалась под неуклонно растущим бременем. Штат прислуги, конечно, увеличился до более или менее разумных размеров, однако среди новичков так и не появилось никого с организаторскими способностями, равными моим, поэтому за жалованье простой горничной я вынуждена была делать гораздо больше, чем полагалось по чину. Особенно когда миссис Уилсон не выдерживала напряжения и обращалась к своему «фирменному лекарству».

¹ Брайтон — фешенебельный и очень популярный курорт в Восточном Суссексе, на английском берегу Ла-Манша. (Примеч. пер.)